

Әпәдитиң Առնչութեան {Синеф}

Владимир Ильичев (Сквер)

Гоа

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-1
ББК 84
И46

Шрифты предоставлены компанией «ПароТайп»

Ильичев (Сквер) Владимир
И46 Гоа / Владимир Ильичев (Сквер). – [б. м.] : Издательские
решения, 2020. – 38 с.
ISBN 978-5-4498-0455-6

Ещё один год в Гоа. Не там, около Наскальных рисунков в Усталимале, где туристы ныряют в старый карьер, а там, где обрыв стал берегом воздушной реки без истока, без устья, без явного дна. Наверное, география этой реки так же недоказуема, как теория плоской Земли. А потому – столь же очевидна для того, кто идёт вдоль берега, наступая на шашлычный уголь, подбирая потерянные людьми драгоценности... падая от усталости на песок... падая по неосторожности в неизвестность... поднимаясь... и не маясь... Гоа!

УДК 82-1
ББК 84

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Владимир Ильичев (Сквер), 2020
© Есения Алексеевна Симонова, дизайн
ISBN 978-5-4498-0455-6 обложки, 2020

Мне не нужен холодильник.
Я живу без утюга.
Внедорожник прикатили –
непонятно, нафига?

По дороге, вне дороги –
я иду, шагаю сам,
а коням педальным ноги
не доверю, не отдам!

На полу – с экраном ящик,
это мой журнальный стол,
но на нём гораздо чаще
спят котята Рок и Ролл.

Весел я без алкоголя,
вдохновлён без табака,
так и вышел из подполья,
а потом из чердака.

Кто-то скажет: пропаганда,
конопляный суицид!
Но, как в цирке душном панда,
я и этим тоже сыт.

Не пойму, ну почему же
мне нужна чужая ты?
На душе весна и лужи,
круглый год орут коты.

Вновь котят назаводили
мы... неужто мы? Ага!
Твой стучащий холодильник
наши потчует юга.

О, фея Моргана,
желанный мираж,
ты вся — из обмана,
я знаю — предашь.
Но это неправда —
неправда моя.
Сегодня и завтра
ты просто... ничья.
Ты просто свободна,
без «нет» или «да»,
вчера и сегодня,
сейчас и всегда.
А то, что желанна —
опять же, мой бзик.
О, фея Моргана,
растай, я привык.

Ни морю, ни сущему
не лгут зеркала,
состав их воздушен,
игра их светла!

По-другому

A. E.

Я тот ещё Наполеон.
Самолюбив! Талантлив! Мелок...
Нетленным чувством окрылён
среди летающих тарелок.

Великий тактик и стратег.
Надысь грозил пришельцам саблей.
Но что я вижу из-за тех
тарелок, дронов, дирижаблей?

Историк режет Красоту,
готовый к славе и дурдому.
А я, наверное, расту,
кромсая ревность по-другому.

Да что ни дом – то жёлтый дом
от непроглядности и смога,
лишь на погоне золотом
играет солнышко немного.

Не Изабель, но Анабель
меня на подвиги толкает,
и вновь ложится на пастель,
едва возвышусь над полками.

Как хорошо, что мне пока
не ближний свет – до полу века,

что дело ближе к сорока,
что век – инфо, а кожа – эко.

Как хорошо, что я отдал
врагу-мерзлятику пустыни...
Зима... Снег – та ещё вода.
Арбузы сняться мне! И дыни.

Стихи не пишутся поэтами —
поэты ими снабжены!
Везли просителям каретами
секреты красок тишины.

Сейчас товары возят фурами,
но речь идёт не про товар,
и наш маляр ночами хмурыми
всё так же просит красок в дар.

Стихи не требуют фасовщиков,
искрят и спят во взглядах муз;
здесь подошёл бы мем под Зощенко,
однако прозой не займусь.

Не сочиняются поэтами,
в улыбках муз видны стихи,
об этом речь... хотя, об этом ли?
А впрочем, прочь! Бабло стриги!

Не обижайся. Проверяю же,
родня ты, муз, аль пижон.
Не обижайся. Понимай уже,
что я слегка переснабжён.

Маяк-мукомольня

Если вкратце, то суть такова:
я на глаз переплавил оковы
в мукомольной мечты жернова,
результаты её стопудовы.

Ни каких от меня лишних мук!
Ты живёшь «как нормальные люди».
Дорогой сладкоежка-супруг
любит яблочно-грушевый пудинг.

И не злюсь, и не мучаюсь я,
ты печёшь мне вкусняшки не хуже,
нечто с яблочком впрок принося, —
разоряться ли мне, что без груши?

Знак вопроса стал циферкой «два»,
это чудо, мы к чуду готовы;
если вкратце, то суть такова:
жернова веселей, чем оковы.

Веселей лей дождём, водолей,
не ржавеет моя мукомольня,
что является также твоей,
за пустынями, около моря.

ЗЫ: Промышленные мельницы с железными жерновами
окисляют муку.

Зонтик лиры

Непременно выяснится позже,
что к тебе спешил я, как никто.
Клевер будет выпоттан и скошен,
млеко станет беглым кипятком.

Выпадут озоновые дыры
примесью в кислотные дожди,
спрячешь ты себя под зонтик лиры...
А пока – иди к нему, иди.

Лопнут банки, сдуются банкиры,
канет в Лету псевдоботагодать,
брьзги полетят на зонтик лиры...
А пока – ленись к нему шагать.

Или бойся, это можно тоже,
раз в моих руках неясно что.
Всё равно же выяснится позже,
что тебя я видел, как никто.

Понимаешь, ты... красивая,
в плоскостях любых осей,
но Земля — гнездо осиное,
и для ося — фарисей.

Я в тебе заметил большее,
чем причина пожужжать
о недвижимости Борджаи
на границе Курмыша.

Не считаются приличными
сны-заметки на полях,
там прописана опричнина
желтизна полос и блях.

А сейчас заметить хочется,
что тебя я не спасу:
те же краски, жало точится,
превратишься ты в осу.

А сейчас мне снова верится,
что — спасу, не зря — люблю
и пишу о цвете вереска
золотишком по углю.

Заходила только что

«Заходила только что» –
отвечает мне компьютер
на вопросы глаз про то,
как там ты, да без меня.

«Заходила только, чо» –
издевается как будто,
мол, была, но вам, Прокоп,
не писала письмена.

«Заходила, только что?» –
снова тролля подключает,
типа – «Да, была, ну и?
Ты ей нужен? Френд ли бой?»

Заходила только что!
Славно! Не было печали!
Были в миге заодно
ты да я, да мы с тобой!

Атмосфера не стала иной,
мне в зелёной тоске – как в Тоскане,
но ничем я не связан с тобой,
это значит – совсем отпускаю.

Никогда я тебя не держал,
ясных глаз день за днём не мозолил,
на тропинке твоей черемша –
это всё, что себе я позволил.

А тебе черемша не нужна,
и прошла ты, меня не заметив,
и осталась моей тишина,
и осталось твоим разноцветье.

Я не буду тебя находить
ни эфиром, ни сетью, ни почтой.
Распадётся останная нить.
Обещаю. Но это не точно.

Зарекаться – себя отучил,
слишком часто срывался во многом.
А тебе нет нужды и причин
возвращаться, иди себе с Богом!

Не жалей!

Мы, похоже, в резервации
для вселенской готовы:
все в мечтах о новом панцире,
все с оружием на ты —
боевым, психологическим,
и Бог весть ещё каким...
А не «все», так «все практически».
Правда можно быть благим.
И тогда решают в обществе,
что твои мыслишки — блажь,
и тебе не будет почестей,
до краёв напитых чаш.
Впрочем, будут, будут почести,
а до края сам дольёшь.
И сойдёт к тебе тем проще стих,
чем сильней ты любишь дождь.

А в стихе — не как под панцирем,
стих полегче, потеплей.
В общем, ради информации:
свистнут панцирь — не жалей!

Не знаю, что делать с мечтой, возносящей меня –
меня самого силой росчерков беглых исполнив;
я не был к такому готов, не учился ни дня,
а всё же обрёл из каких-то заначек исконных.

Не знаю, что делать, казалось бы – молча кайфуй,
оплачивай Неба комфорт по тарифам исландским,
а хочешь экстрима – так есть Воркута, Чебаркуль,
казалось бы – понят намёк из прочитанной сказки!

Но мне – то ли стыдно альфонса в полёте включать,
потом выключать, рычаги не совсем разумея,
не смея спросить... то ли саппорт – сам пишет мне в чат,
и я офигею от слов, как от печки Емеля.

Не надо всё время наверх, мы и так высоко,
и можем всю жизнь задаваться вопросом «Насколько?»,
а можем по ворсам небесным гонять босиком,
не помня маршрута и падая лишь от восторга.

И ясно, что делать с мечтой, возносящей меня,
я буду её исполнять, потому что исполнен;
готов не готов, а словам неуслышанным внял,
читай – офигел, сделал чистое Небо из молний.

Не такой, как в секс

Секс превращается в рутину.
Отсюда — множество измен:
кидает женщина мужчину,
бросает леди джентльмен...

А почему, простите, акты
печатать надо каждый день?
Вы засмеётесь — мол, дурак ты,
но дрогнет принтера олень.

Понятно, «хочется, и баста»,
глобален выученный зов,
хит Карабаса Барабаса
для группы красочных трусов!

В природе нет совокуплений
а ля Таблетка и Кондом,
там самка — холст, самец там — гений
над шедевреющим холстом.

Стоит вопрос довольно остро:
а что не так у нас, людей?
Неужто часть животноводства —
унылых актов канитель?

Не зря на кроликах испытан
молочно-белый препарат.
Контрацептивом стать не стыдно,
вашёл и вышел, «мне пора».

Я не давлю в себе либидо,
я отпускаю вдаль скота,
пока не скроется из вида.
А вид пейзажный, красота.

Когда любовь плеча коснулась –
душа спала неясно в ком.
Ну а надолго ли проснулась –
ни сам не знаю, ни профком.

Ты теперь специалист
с номерным дипломом,
и пока не собрались
на столе дела –
сказкой-былью насладись:
зря ли так тепло нам,
зря ли воздух золотист,
зря ли ночь была?

В соке дня кусочки льда
с дольками уюта.
Но за дверью города,
полные забот;
у психологов страда –
круглый год, Анюта.
А со мной тебе всегда
нипочём цейтнот.

Когнитивный диссонанс
иногда волшебен.
Волшебство таится в нас,
как в дипломе герб.
И двуглавый – языкаст,
но молчит о Небе!
Сказка тоже не рассказ.
Сказка – быль двух неб.

Ты теперь специалист
с номерным дипломом,

начинай приём, трудись,
разбирай дела.
А устанешь – окунись
в лето, где тепло нам,
где большое дело – высь,
хоть и нет стола.

Ты скучаешь по мне*

Ты скучаешь – тускло и слепя.
Ты скучаешь – яро или скромно.
Ты скучаешь – холодно, любя,
нежно, грубо, дико, невесомо.

Я скучаю тоже по любви.
Я скучаю, снова это нужно.
Сгинь с ума, погибнуть норови,
и дрожи: царапнет же зверушка.

Я скучаю, гордый мой вулкан,
зная, что извергнуться готова,
с лёгкостью языческой, река
злобных слов и благостного слова.

Я скучаю, вечна эта боль,
боль о том, что мир несовершенен.
Ты скучаешь, ведаешь, насколь
пусто нам без нас в одном движеньи.

* вольный перевод с болгарского;
оригинальное стихотворение:
«Липсваши ми», автор Надежда
Захариеva

Коснулся жаркий луч
волос твоих украдкой
и снова развернул
в душе моей холсты.

Он лёгок, он летуч,
он полон воли сладкой –
а всё-таки в плену
такой же красоты.

Украв набор кистей
в уме голодным сердцем –
стараюсь, дилетант,
исполнить облик твой.

И так пройдёт весь день,
я буду вновь истерзан...
А всё-таки лета
лучатся красотой!

Распускаются кусты
чистой-чистой красоты.
Но уже забрался в куст
мегаполисный Прокрут.

Он попал в тот самый миф –
много пипла усреднив,
насорив и надымив –
попадает в новый миф.

А сейчас отводит взгляд,
думал – позже запалят.
Убежит, скорей всего...
не заметишь ты его.

Да тебе и ни к чему,
дай-ка лучше обниму.
Пусть клубочек не ведёт,
пусть пути – наперечёт.

Мы пойдём другим путём,
снова чистый обретём,
и проверит каждый куст
древний грек, но не Прокрут.

Подзагну я, что Тесей
входит в круг моих друзей.
Нет, зато он входит в миф,
у швейцара не спросив!

Знаешь, есть ещё места,
где красоты — как с куста.
Знаешь, есть и берег,
древний, с опцией «камбэк».

Найдём ли мы, о чём поговорить
в закатной тишине чужой планеты?
Без башни, без артикля де пари,
друг другом, да и только, обогреты.

О замке из подножного песка?
О каменной, но пламенной постели,
которая нисколько не жестка?
О роллах с Нептуна на новоселье?

О том, куда сдавать катрены мне,
о прайсинге твоих пси-консультаций?
О планах – не позднее, чем к зиме,
жить лучше, чем нефтяники-суданцы?

Ой, ладно. Ты не гонишь на футбол.
А я уже лет двадцать, как психолог –
с дипломом института НОУ «ЛОЛ»,
за сим – культурный вечер будет долг.

А ночь продлится столько, сколько хо...
хотя приходят вовремя рассветы
туда, на ту планету, где легко
и сложно не узнать своей планеты.

А ты себя, сияющую, спрятала...

Спасительно, что в этом измерении
мы сдали метафизику с тобой.
Мой Лео дружит с мышками, с деревьями,
с ночной звездой, с полуденной звездой.

А ты себя, сияющую, спрятала
под чьей-то чёрной кожей, несмотря
на то, что май, примерно с полдесятого
играет в добродушного царя.

Ну как бы мы смотрелись? Кот, хиппующий
за пазухой царицы хищных лун.
Смотрелись бы, я думаю, но в будущем
промчался бы, не думая, тайфун.

Всё светлое и в капле отражается,
всё вечное – невидимая взвесь!
Квартира. Спящий кот. Луны за жалюзи –
как будто нет, на самом деле есть.

Голубка

Склевало время пять лет,
и раскидало пять книг...
Винтажный фотозеффект,
сигнал с подкорки на пик –
и словно не было ударов по рёбрам
с обеих сторон.

Вопрос открыт и закрыт,
задача икс решена:
я минерал, фосфорит,
а ты – ты гор вышина,
все утверждения – неправда настолько,
насколько – закон.

Из веры в бургерский хлеб
и фосфоритной муки
смешали пайку земле
неясных лет мужики,
тащить корыто помогают им бабы,
роняя шеллак.

А если шибко не гнать,
и если ласково гнуть,
то ты – моя вышина,
причём на всю глубину.
Смотри: затолканная в клетку голубка –
как прежде, ушла!

322-ой

«321» – это просто число,
круг твоих веб-друзей означает.
Триста двадцать второго опять понесло,
он простое число усложняет.

Опошляет! Как если бы в чуйке моей
копошились одни тинто брассы.
В общем, так: я ругаю твоих веб-друзей,
потому что они... ставят классы!

Ставят классы нередко, а надо – всегда,
потому что всегда ты прекрасна,
и тогда б даже я никакого вреда
не планировал для... Карабаса.

Знаешь, все эти сети и есть – Карабас,
в королевстве его декораций,
но, наверное, масса лазеек у нас,
мы же всё-таки не... из пластмассы.

Ну а если серьёзно, то ты для меня –
как для Чижика – даль Рок-н-ролла.
А ещё у тебя золотые друзья,
что не сильно зависит от пола.

Интерлетие

Искусственный, как тот интеллект,
но всё-таки местами живой,
я с тростью захожу в интернет.
Меня встречает леди Лю Койл.

Конечно, в красно-белом она –
о, леди Чистоплотность и Секс!
Простите, я не друг Ведуна,
к тому же – исключительно трезв.

Ко мне подходит крашеный Знак,
высокий волоокий атлет,
и сразу отправляется на
то место, где меня уже нет.

Мне машет чем-то знаковым Кэп,
не знаю чем, не смог рассмотреть –
наверное, духовностью скреп.
Что ж, бейджик засветил я на третью.

За стойкой – седовласый Курмыш,
блюститель местных мер пития.
А ты... в окне, куда-то спешишь,
и я совсем не Кэп для тебя.

Запасный выход. Запах конфет.
Весна! В траве ненужная трость.
Сгодится через тысячу лет,
а если нет – сюда же и брось.

Приласкай меня... Я же котёнок,
превращённый в жестокого льва.
Я такой от бетонных потёмок.
Не поверишь! И будешь права.

Оставайся со мной. Будь любима.
Предложение-люкс. Два в одном.
В этом акте котёночно-львином
парадокс прогрессирует в том,
что люблю я тебя — без условий.
Молодец, не смотри этот цирк,
здесь игрушки — из плоти, из крови,
от слона до тщедушной овцы.
Мне с ума не сойти — действие было,
но однажды я всё прекращу,
я осмеянный царь, а не быдло:
возвратятся долги ветврачу,
поимеют своё дрессировщик
и восторженный зрительский ряд;
остальным — если их не растопчат —
должен тоже, но боги простят.

Я увидел тебя из фургона
с яркой надписью «Funny Bombay».
У тебя... нет во взгляде неона —
километрами, как у людей.
Значит, можешь читать и в потёмках...
прочитай же меня, распознай.
Приласкай в подворотне котёнка —
это я в океане вай-фай.

Мне достаточно призрачной мысли.
Мне достаточно бага сети.
Уходи. Беспокоятся гризли.
Прочитай... Приласкай... Приюти!

Лады

У тебя интересная лента
(я не думал, что Карлин там есть).
Кроме нескольких тусклых моментов —
зачитался, и это не лесть.

Ты сама интересная, Анчик
(так я звал бы, возможно, тебя),
у тебя же в глазах — то команчи,
то Париж, то пришельцы, то...

Размечтался. А что, интересно
о тебе, интересной, мечтать.
Я же тоже — немножечко Тесла
(попадающий даже в печать).

У тебя интересная лента,
у меня — интересная ты,
я с тобой, навсегда, без отфренда
(без ответа... ну что же... лады)!

Интересно, что я буду верить,
и всегда говорить «навсегда»,
и побуду немножечко Терри
(или Месси, в иные года).

Я стараюсь держаться,
ты стараешься тоже,
нас таких – миллионы,
миллионы пока,
то ли в плоскости шанса,
то ли будем в ней позже;
время – Дон Корлеоне,
не за счёт порошка.

Нас таких – миллионы,
а с другой-то сторонки,
кода стойкости нашей
по учебникам нет.
В злобе наркобароны,
в небе перья вороны,
а тебе и не страшно
приближаться ко мне!

А тебе и не нужно
знать меня, приближаясь,
на меня полагаясь
первозданным чутьём.
Для учебника – чушь, но...
Не напрасно держались.
Мы живём не под запись,
мы живём и живём!

Роятся мысли в голове,
то о любви, то о лавэ,
о том, что нет в тебе любви,
а у меня лавэ нет,
и значит, как бы я ни ждал,
мы не сколотим капитал,
свои заначки обнулим,
жизнь курсов не изменит.

Но много мыслей и других,
о том, что ты, не полюбив,
не полюбила лишь меня,
а у того, кто рядом —
на каждый день любизнес-план,
включая опыт разных стран;
всё ярче брошь, день ото дня,
на платьице нарядном.

И я, признаться, не банкрот:
наоборот, наоборот,
глянь, сколько пчёлок у меня,
прикинь запасы мёда!!!
Отменный мёд, этичный мёд,
никто чужого не берёт,
не надо пасеке плетня,
она ж моя Свобода!

Роятся мысли в голове,
и то спускаются к траве,

то поднимаются над ней,
то пропадают где-то.
Наш завтрак – с мёдом канапе,
вы О!О!О!, а я ИП,
изгой-писака, но ей-ей –
на трёх китах монета.

Земля пропитана грехами –
планета, вся, не только грунт.
А каждый грех питался нами
в темницах лет или секунд.

Я грешен, я ужасно грешен,
дурная ноша нелегка,
и у тебя тоска не реже
на сердце жмёт наверняка.

Как уберечься от соблазнов?
Где ад соблазнов смят уже?
Ответ простой: везде опасно,
и надо быть настороже.

Я постараюсь, я стараюсь,
я потому и не с тобой.
С тобой, пустынный мой оазис...
пои, пойми мою любовь!

Оглавление

«Мне не нужен холодильник...»	3
«О, фея Моргана...»	5
По-другому	6
«Стихи не пишутся поэтами ...»	8
Маяк-мукомольня	9
Зонтик лиры	10
«Понимаешь, ты... красивая...»	11
Заходила только что	12
«Атмосфера не стала иной...»	13
Не жалей!	14
«Не знаю, что делать с мечтой, возносящей меня ...»	15
Не такой, как в секс	16
«Ты теперь специалист...»	18
Ты скучаешь по мне*	20
«Коснулся жаркий луч...»	21
«Распускаются кусты...»	22
«Найдём ли мы, о чём поговорить...»	24
А ты себя, сияющую, спрятала...	25
Голубка	26
322-ой	27
Интерлетие	28
«Прилаской меня... Я же котёнок...»	29
Лады	31
«Я стараюсь держаться...»	32
«Роятся мысли в голове...»	33
«Земля пропитана грехами ...»	35

Владимир Ильичев (Сквер)

Гоа

Дизайнер обложки Есения Алексеевна Симонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«... золотишком по углю»

Год в Гоа... ещё один год в Гоа. Не там, около Наскальных рисунков в Усгалимале, где туристы ныряют в старый карьер, а там, где обрыв стал берегом воздушной реки, бездонной, без истока и устья, без уныния и треволнений, без объяснимых причин и следствий. Наверное, география этой реки так же недоказуема, как теория плоской Земли. А потому — столь же очевидна для того, кто идёт вдоль берега, наступая на шашлычный уголь, подбирая потерянные людьми драгоценности... падая от усталости на песок... падая по неосторожности в неизвестность... поднимаясь... и нисколько не маясь... Гоа!

ISBN 978-5-4498-0455-6

9 785449 804556 >